

which ought to be a starting point for the renaissance of metaphysical consciousness, is still under the pressure of negative sides of postmodern eclecticism and moral relativism.

Key words: New Middle Ages, Postmodernity, eclecticism, moral relativism, ideals, idols, truth, opinions, metaphysical consciousness.

УДК.304

Т.В. Панфилова

В ЕВРОПЕ «ЗАКАТ», А В РОССИИ ЧТО?

Аннотация. Состояние, переживаемое западноевропейскими странами, укладывается в шпенглеровскую категорию «закат Европы». Положение России определяется тем, какое место на международной арене отвела ей господствующая в мире финансовая элита. Проводником ее политики выступает российское правительство. Чтобы адекватно осмыслить состояние России, надо определиться с рядом мировоззренческих положений.

Ключевые слова: закат Европы, культура, цивилизация, глобализация, империализм, всемирная история, идеология потребления.

Состояние современного мира не может нас не беспокоить. Однако беспокойство на обыденном уровне не поможет понять ни его истоков, ни возможностей его устранения. Необходим понятийный анализ.

«Закат» Европы сквозь призму обыденного сознания

Вопрос о том, переживает ли Европа состояние «заката», как предсказывал О. Шпенглер столетие назад, выглядит вполне современно даже для людей, далеких от шпенглеровской концепции, да и от философии истории вообще. Словосочетание «закат Европы», похоже, вошло в обиход и оторвалось от первоисточника, так что воспринимается уже не как специфический термин определенной теоретической конструкции, а как простая констатация факта. В свете недавних событий в Европе, связанных с наплывом мигрантов, а также с непрекращающимися террористическими атаками на фоне явной неспособности европейцев справиться с нарастающими угрозами, невольно в голову приходит мысль о каком-то неблагоприятии Европы. Тут-то память подсказывает словечко «закат». В то же время посещение западноевропейских стран вызывает у россиян смешанные и противоречивые чувства: это и смесь сожаления со злорадством из-за того, что европейские государства очевидно не справляются с проблемами, которые сами себе создали, надеясь разрешить их чисто демократическим

путем и с соблюдением прав человека — в назидание другим недостаточно демократическим режимам; вместе с тем это и зависть, которую не может не испытывать россиянин, глядя на бытовую обустроенность Европы. Особенно впечатляет россиян сообщение о том, какие зарплаты получают работающие, пенсии — пенсионеры и пособия — неработающие, включая мигрантов. Многие россияне начинают жалеть о том, что Россия — не Европа и такого же «заката», похоже, не переживает. Кто-то посчитает, что призыв российских либералов «вернуть Россию в лоно цивилизации» не лишен смысла. Правда, вряд ли кто-нибудь вспомнит в этот момент, что, реализуя именно этот призыв, мы лишились промышленного производства, разрушили сельское хозяйство, подорвали основы науки и образования, в результате чего Россия превратилась в сырьевой придаток более развитых в промышленном отношении стран.

Чем объяснить, что попытка вписаться в сообщество западноевропейских государств, включая США, обернулась для России откатом назад и превращением в страну «третьего мира»? Может быть, Шпенглер ошибся, говоря о закате Европы, точнее, Запада? Что, собственно, там «закатывается»? С другой стороны, может, мы чего-то не понимаем, рассчитывая на то, что достаточно перенять некоторые особенности политической системы европейских (или американской) демократий — и мы станем европейцами!

На уровне обыденного сознания такими вопросами либо вовсе не задаются, либо если вопрос и назревает, то остается без должного осмысления в понятиях, поскольку ответ подразумевается тоже в пределах обыденного сознания. С точки зрения рядового человека (обывателя), кажется очевидным, что Россия давно и безнадежно отстала от Европы, которая — даже в состоянии «заката» — остается для нее недостижимым идеалом. Практический вывод напрашивается сам собой: бежать надо из России, лучше всего в Европу, где самые скромные условия жизни превосходят то, что наблюдается в большинстве российских регионов.

Как ни прискорбно об этом говорить, но с точки зрения обыденного здравого смысла вывод вполне оправданный. Вопрос лишь в том, каждого ли рассуждающего устроит позиция рядового обывателя? Может, стоит попробовать осмыслить сложившееся положение вещей, чтобы понять, нельзя ли что-то исправить в нынешнем положении России?

Глобализация вносит свои коррективы

Если обывательская позиция нас не удовлетворяет, придется обратиться к научному анализу. Здесь уже нельзя довольствоваться поверхностными констатациями. Придется поискать историческое целое, охватывающее интересующие нас явления, и выразить все в единой системе понятий. Важно соблюсти некоторые теоретические требования. Так, следует учесть, что содержание каждого понятия определяется исключительно в рамках целостной системы. Вырванные из теоретического контекста, понятия теряют свое содержание.

Так и получилось со словом «закат». Согласно учению Шпенглера, этот термин означал вырождение культуры (в шпенглеровском расширительном понимании) в цивилизацию. Поскольку в понятие «культура» Шпенглер включал все стороны жизненного уклада определенного общественного образования, то «цивилизация», в его понимании, означает утрату обществом социальной определенности. Другими словами, Шпенглер называл «цивилизацией» отнюдь не более совершенное общественное устройство по сравнению с дикостью и варварством, как это утвердилось в общественной науке с эпохи Просвещения, но и не привычное нам сегодня понимание цивилизации как самодостаточного общественно-исторического образования, обладающего собственной культурой, — понимание, получившее широкое распространение в XX веке благодаря работам А. Тойнби [6, с. 79–81]. Шпенглер истолковывал цивилизацию как закат культуры, как ее деградацию, свидетельством чего немецкий мыслитель считал демократизацию общества, предпочтение технике по сравнению с изящными искусствами, утрату традиционных верований; короче, то, что мы сегодня называем «массовым обществом» [8, с. 163–164, 175–176]. Сюда же включаются доступность бытовых удобств вследствие развития техники и демократизация ее использования. Так что общая бытовая обустроенность Запада, с точки зрения Шпенглера, — это свидетельство его заката.

Что же нам предпочесть: деградировать вместе с Европой или противопоставить европейскому закату собственный расцвет? Реформаторы России безоговорочно приняли первый вариант — и что получилось? Вместо приобщения к европейскому уровню жизни мы получили состояние, которому не можем подобрать подходящего определения. По крайней мере, в слове Шпенглера найти его не удастся. Если же применить к России термин «закат», получится, что мы находимся, в общем-то, на европейском уровне, и проблема, вынесенная в заглавие, отпадет сама собой.

Так, может, нам, наоборот, следует гордиться тем, что, в отличие от Запада, у нас поля в запустении, множество вымирающих деревень, лишенных каких-либо современных удобств, разбитые дороги и прочие традиционные российские беды? Может, все это признак того, что Россия находится на восходящей стадии культуры и «цивилизацию» ей пока не грозит? Вообще-то Шпенглер действительно считал российскую культуру молодой и растущей по сравнению с западноевропейской. К тому же Шпенглер представлял себе культуру как саморазвивающийся организм, в котором другие культуры ничего в принципе изменить не могут из-за несовместимости основ различных культур. Внешнее воздействие способно либо затормозить развитие организма, либо исказить формы его проявления, создав «псевдоморфозы». Правда, все это было сказано сто лет назад. Верна ли была такая оценка тогда, а тем более — сегодня? Да и состоятельно ли учение Шпенглера в целом?

Анализ сегодняшнего состояния любой ныне здравствующей страны невозможен без учета процессов глобализации. Шпенглер о них еще не знал, поскольку в конце XIX — начале XX века они пребывали в зачаточ-

ном состоянии. Зато немецкий мыслитель правильно уловил тенденции развития (или деградации!) современного ему западного мира — фактически тенденции глобализации, как мы выразились бы сегодня. В этой связи он и говорил о «закате Европы», точнее, о «закате Запада», который размывает собственные границы, распространяя «цивилизацию» по всему миру. Хотя Шпенглер исходил из того, что единой всемирной истории не существует, что так называемая всемирная история — это всего лишь набор обособленных культур, которые, подобно живому организму, сначала растут и развиваются, потом старятся и деградируют, но, добравшись до европейской культуры, немецкий культуролог пришел к важному выводу, что она — европейская культура — в процессе собственной деградации захватывает «цивилизацией» весь мир и тем самым создает «всемирную историю» [8, с. 143, 154]. Иначе говоря, Шпенглер, по существу, отступил от исходного положения о том, что история — это набор самостоятельных образований, и перешел к характеристике глобализирующегося мира, порождающего «всемирную историю».

Справедливости ради отметим, что у Шпенглера были серьезные предшественники, на идеи которых можно было опереться. Так, мысль о том, что история *становится* всемирной в результате распространения на весь мир универсальных капиталистических производственных отношений, мы встречаем в совместной работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», написанной более чем за полвека до книги Шпенглера. Представление же Шпенглера об истории как о совокупности не связанных между собой общественных образований тоже неоригинально: за полвека до Шпенглера эту идею по-своему развивал Н.Я. Данилевский [2, с. 71–74]. В чем немецкий мыслитель действительно преуспел, так это в описании признаков начинавшейся в то время глобализации. Интересно отметить, что Шпенглер использовал термин «империализм» для того, чтобы показать, как Запад распространяет свое влияние на другие страны, втягивая их в орбиту «цивилизации». К сожалению, судьба стран, втянутых в систему империализма, его, по-видимому, не волновала. Его беспокоила судьба западноевропейской культуры, переходящей в цивилизацию, к которой он сам принадлежал и для объяснения которой разработал свою «морфологию истории». Скорее всего, он даже не заметил, что современное ему состояние мира не укладывается в предложенную им схему и что отмеченные им процессы глобализации требуют другой системы понятий, ибо с их возникновением вступают в силу другие законы, не сводимые к законам развития организма.

Не вдаюсь в большие подробности особенностей учения Шпенглера, благо о них достаточно сказано в предыдущих публикациях [4; 5]. В данном случае важно то, что Россия, вопреки представлению Шпенглера о ней как о молодом развивающемся организме, к началу XX века оказалась втянутой в орбиту европейской «цивилизации» — правильнее сказать, включена в империалистическую систему на положении младшего и более слабого партнера. Фактически России грозило превращение в колонию,

если бы не Октябрьская революция 1917 года, благодаря которой страна обрела возможность в дальнейшем развиваться как суверенное государство. Именно этой возможностью и пожертвовали в ходе реформ 90-х годов XX века, в результате чего Россия была возвращена в лоно «цивилизации», а точнее – в систему империалистических государств на тех же правах, что и до революции 1917 года: слабого партнера, с которым можно не считаться, но который нужен на международной арене в качестве поставщика сырья и дешевой рабочей силы. Так что в известном смысле слова мы уже в «цивилизации» и «закатываемся» вместе с Западом, только не как равноправные участники глобализационных процессов, а на положении управляемой территории. Свидетельством тому является бурная реакция европейских стран и особенно США на любые попытки России предпринять самостоятельные действия, расходящиеся с рекомендациями заокеанских советников.

Наличие объективных процессов глобализации вынуждает заново поставить вопрос о том, правомерно ли считать историю единой и всемирной, как некогда утверждал Г.В.Ф. Гегель, или правильнее считать ее набором самостоятельных образований, как утверждали Данилевский и Шпенглер. Думаю, в осмыслении единства истории Маркс оказался прав, связав единство истории с распространением капитализма, ибо капитализм не может не расширяться территориально вплоть до охвата всего Земного шара. Так оно и получилось. Впрочем, отсюда вовсе не следует, будто идеи «культурно-исторических типов», по Данилевскому, или «культуре как организм», по Шпенглеру, не содержат в себе рационального зерна. Напротив, эти идеи адекватно выражали определенные исторические реальности, которые не исчезли бесследно, а «в снятом виде», как выразился бы Гегель, продолжают присутствовать в нашей действительности. Сильной стороной идеи культурно-исторических типов является подчеркивание своеобразия и самостоятельности каждой культуры, наличия в ней такой основы, которая определяет устойчивость культуры к внешним воздействиям. Однако верно замеченная историческая особенность не дает оснований считать, будто сторонники истолкования всемирной истории как совокупности локальных образований предложили универсальную схему, верную для всех народов на все времена, как им самим представлялось. Практика обнаружила, что это не так. Нарисованная ими картина всемирной истории показала свою ограниченность под влиянием объединительных процессов, характерных для капиталистического производства с его жесткими обезличенными требованиями как к производителю, так и к производимому продукту, в результате чего была создана система международного разделения труда, а местные условия начали подгоняться под единый стандарт. Это ли не свидетельство того, что история не была единой, но становится таковой под влиянием капиталистической глобализации? И для адекватного осмысления нынешней истории разумным представляется опереться на работы наших предшественников, не абсолютизируя ни одну из них, поскольку мы имеем дело с особой исторической реальностью, о которой мыслители прошлого могли только догадываться.

Что же происходит с Россией?

Нивелирующее воздействие глобализации не может не сказаться на жизни всех стран и народов, охваченных этими процессами. Явление настораживающее, поскольку касается всех сторон жизни, включая национальную культуру. Чаще всего эта сторона дела справедливо оказывается в поле зрения критиков глобализации. Однако следовало бы отметить еще одну сторону ее воздействия: требования к бытовым условиям, о которых уже шла речь. Сравнивая Россию с Европой, мы обычно не задумываемся над тем, как вырабатывались европейские стандарты, нет ли связи между организацией труда и проведением досуга, как складываются отношения между государством и его гражданами. Вопросы кажутся чисто теоретическими, и на практике российские туристы, не утруждая себя мыслительной работой, зачастую принимают европейские блага как приятную данность, но не всегда считают нужным вести себя в соответствии с европейскими требованиями. Самодисциплина – не самая сильная сторона рядового россиянина. Анархистские настроения типа «Что хочу, то и ворочу» весьма распространены.

В то же время на вопрос о том, существует ли однозначное соответствие между европейской цивилизацией и бытовой обустроенностью, вряд ли можно ответить утвердительно. Ведь достаточно обратиться к неевропейским странам, часто посещаемым нашими туристами, Арабские Эмираты например, чтобы убедиться, что вдали от европейской цивилизации повседневная жизнь населения может быть куда лучше налажена, чем в России. Значит, вопрос нельзя сводить к тому, как мы соотносимся с Европой. Все гораздо проще: правительства одних стран – вне зависимости от их цивилизационной принадлежности – считают своим долгом заниматься обустройством жизни своих граждан, тогда как другие, включая российское, исходят из того, что граждане должны самостоятельно «вписаться в рынок» и горе тому, кто не сумел этого сделать. Свою задачу российское правительство видит в том, чтобы обеспечить присутствие России на международном рынке, особенно в сфере движения международных финансовых потоков. В какой роли? Как распорядится рынок! Получается, что наше правительство обслуживает транснациональные корпорации и международные финансовые организации, а вовсе не население России. Думаю, правы те, кто считает, что наше правительство правильнее было бы назвать «колониальной администрацией», чем правительством суверенной страны.

Казалось бы, такое широко разрекламированное мероприятие, как объявленная в Москве «реновация», опровергает сказанное и свидетельствует о заботе руководства страны об условиях жизни российских граждан. Боюсь, что это поверхностная оценка. Часть граждан действительно улучшит свои жилищные условия, но какой ценой? Ценой оттягивания на Москву трудоспособного населения из других регионов. По существу, правительство продолжает порочную практику создания в стране нескольких крупных

агломераций за счет обезлюдения значительных территорий. Коренное население срывается с насиженных мест и замещается приезжими. Вместо того чтобы обустроить большинству россиян их «малую родину», обеспечить людей работой и необходимыми средствами существования, большинство населения целенаправленно превращают в «кочевников», лишенных корней. Тем самым мобильность населения повышается в соответствии с тенденциями глобализации, но в ущерб национальной культуре и национальному самосознанию. В конечном счете народ превращается в безликое «население».

Неизбежна ли подгонка всей общественной жизни, включая духовную культуру, под единый стандарт? В Советском Союзе была предпринята попытка сформировать оригинальную многонациональную культуру, не отрывающуюся от мирового культурного наследия и в то же время противостоящую обезличивающему влиянию глобализации. Конечно, попытка была далека от совершенства, но она была, и накопленный опыт следовало бы учитывать. Вместо этого с развалом Советского Союза были отброшены и многие завоевания советской культуры.

Если до Октябрьской революции 1917 года в духовной жизни России четко выделялись два слоя культуры: культура господствующих классов и культура простонародья, то сегодня мы опять имеем похожий разрыв, когда так называемая элита ориентируется на западные стандарты образа жизни, включая культуру, а всем, кто с трудом «вписался в рынок», остается довольствоваться тем, что выпадает на их долю по «остаточному принципу» и что они в состоянии оплатить. Этот культурный разрыв ярко представлен в нашей реформированной системе образования. «Верхи» обучают своих детей за границей в престижных учебных заведениях. Простонародью навязаны упрощенные формы обучения: ЕГЭ — в средней школе, Болонская система — в высшей. Замысел реформаторов состоял в том, чтобы мыслительные процессы оставить на долю избранных, которые будут осуществлять их по западным стандартам. Основной массе населения творческие порывы ни к чему, ей достаточно уметь пользоваться чужими работками. Не случайно сферу образования реформаторы переименовали в «рынок образовательных услуг». Раз образование поставлено на одну доску с бытовыми услугами вроде починки утюга или ремонта старой одежды, рассчитывать на развитие отечественной культуры не приходится.

Положение усугубляется тем, что в стране под видом борьбы против тоталитарной идеологии внедряется идеология потребительства. Как будто диктат потребительства невозможен! А ведь от этой опасности предостерегал нас немецко-американский социальный мыслитель второй половины XX века Э. Фромм [7, с. 408–410]. Его старания оказались напрасными: руководство России к ним не прислушалось, а большинство людей о них просто не знает, поскольку работы подлинных гуманистов прошлого из учебных курсов исключаются. Видимо, сильны социальные силы, заинте-

ресованные во внедрении потребительских настроений сначала в Советском Союзе, а после его развала — в осколках бывшей великой державы.

Противостоять потребительской идеологии могла бы современная перспективная идеология, которая бы не только объясняла мир, но и нацеливала на усовершенствование его. К сожалению, выработка идеологии, необходимой для развития России, наталкивается на противодействие господствующих слоев общества, с одной стороны, и на потребительские установки значительной массы населения — с другой. Очевидно, классики марксизма были правы: господствует в обществе идеология господствующего класса. А он не заинтересован в том, чтобы население России в массе своей правильно понимало и природу внутренних проблем страны, и их связь с особенностями положения России в мире. Отсюда пропаганда в СМИ — весьма успешная, к сожалению, — поверхностного взгляда на действительность, культ личных сиюминутных удовольствий, пренебрежения историческим опытом, игнорирования традиций и общественных устоев. В результате обывательский подход к жизни закрепляется в общественном сознании.

Отмечая негативное влияние глобализации на культуру России, некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы вернуться к ценностям традиционной дооктябрьской России, выдвигая на первый план православие. Считаю такое направление мысли ошибочным. Не возвращаться в прошлое, а создавать новое с учетом исторического опыта и с опорой на теоретические разработки наших предшественников.

Для начала надо определиться, что нас не устраивает в современном положении вещей: то, что Россия занимает в мире не подобающее ей место, или само устройство мира, в котором определенные социальные силы диктуют свои условия окружающим. В зависимости от ответа на этот вопрос будут по-разному формулироваться задачи на будущее. То ли нам надо стремиться войти в «золотой миллиард», чтобы вместе с ним чувствовать себя хозяевами положения, то ли надо что-то менять в содержании истории, в отношении человека с природой и с другими людьми. Иначе говоря, как мы представляем себе желаемое будущее. Рассчитываем ли мы на то, что история должна «очеловечиваться», или смирился с тем, что история и дальше будет превращаться в историю глобализации, для которой человек останется всего лишь инструментом? Все это вопросы мировоззрения, которое еще предстоит разрабатывать. Особенно важно разобраться в этих вопросах подрастающему поколению. Но пока молодежь надежно «охраняют» от них с помощью реформированных систем образования и науки.

* * *

Таким образом, для вывода России из ее нынешнего плачевного состояния необходимо для начала творчески переосмыслить ее место во всемирной истории, опираясь на наследие мыслителей прошлого, особенно в области философии истории.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия истории*. СПб., 2000.
2. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. СПб., 1995.
3. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
4. Панфилова Т.В. Конец истории: мрачное пророчество или логически обоснованный вывод? // *Философские науки*. 2016. № 5. С. 7–23.
5. Панфилова Т.В. *О пользе и вреде философии истории*. Deutschland: Academic Publishing: LAP LAMBERT, 2013.
6. Тойнби А. *Постижение истории*. М., 1991.
7. Фромм Э. *Здоровое общество* // *Психоанализ и культура*. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.
8. Шпенглер О. *Закат Европы*. Т. 1. М., 1993.

Tatiana V. Panfilova

EUROPE DECAYS, AND WHAT ABOUT RUSSIA?

Abstract. The situation of the West-European countries corresponds to the notion of the decay of Europe worked out by O. Spengler. The situation of Russia is determined with its location on the international arena. This location is assigned by the ruling financial world elite. Russian government pursues its policy. To understand Russian position adequately a number of the world-outlook propositions must be clarified.

Key words: decay of Europe, culture, civilization, globalization, imperialism, world history, ideology of consumerism.

УДК 111.1

В.Т. Фаритов

ТРАНСГРЕССИЯ КАК МЕТОД И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ В НАСЛЕДИИ М.М. БАХТИНА

Аннотация. Концепт «трансгрессии» – нарушение установленных границ, выход за пределы – как правило, связывается с именами представителей философии постмодернизма: Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Делеза и Ж. Деррида. В истории отечественной философии данный термин пока не получил достаточно широко распространения. Однако те явления, которые описываются с помощью понятия «трансгрессия», в русской философской мысли были детально проанализированы в работах М.М. Бахтина.